

ИНТЕРПРЕТАЦИИ – ТЕКСТ – КОНТЕКСТ

Е.С. Никитина

ФГБУН Институт языкознания РАН, г. Москва

Смысл есть результат процессов понимания и интерпретаций текста. Понимание осуществляется через вхождение в знаковое пространство самого текста. Интерпретации же связаны с внешним контекстом. Текст здесь выступает лишь одной из конститутивных составляющих коммуникативной ситуации. Изменения в структуре коммуникативного акта по алгоритму любого из ее элементов с необходимостью приводят к интерпретационным сдвигам смыслового наполнения текста. Таков один из механизмов смыслогенеза.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, содержание и смысл текста, понимание, интерпретации

Определению социальной коммуникации как движению смыслов в социальном времени и пространстве [Соколов 1996: 22] соответствуют практически все схемы коммуникативных процессов от трехчленной аристотелевской модели: оратор-речь-аудитория, до пятнадцати компонентной модели Ю. Воронцова [Воронцов 1975].

Коммуникационный процесс в зависимости от ситуации, ресурсов может быть представлен достаточно многообразным сочетанием компонентов. Например: «источник – коммуникант – сообщение – кодирующее устройство – канал – декодирующее устройство – помехи – коммуникант – результат коммуникации – обратная связь». Однако сообщение или текст является необходимым элементом, входя в обязательную трехчленную структуру любого коммуникативного акта: коммуникант – передаваемый объект – реципиент. Всякая коммуникативная схема изображает на плоскости не форму, но отношения и действия предметов в общих чертах: какой канал, скорость передачи, наличие обратной связи, количество участников и т.п. Для текста в печатной культуре, живущего в своем пространстве, все эти компоненты выступают в качестве «затекстового» или контекстового оформления. На что следует обратить внимание, что введение понятия обратной связи в коммуникационную схему превращает ее в модель – замещающий образ предмета изучения в хронотопе культуры. Модель отделяет схему от плоскости, обретая пространственно-временные характеристики замещаемого объекта. Обратная связь делает коммуникацию двусторонним процессом – диалогом, позволяя каждой из сторон корректировать свои действия и цели. Циклическая модель коммуникации выявляет ее бесконечный процесс, когда участники (отправитель и получатель) периодически меняются ролями. Если линейные модели в первую очередь были нацелены на исследование точности передаваемой информации, достигаемой минимизацией технических шумов в канале, то в циркулярной модели основной акцент переносится на интерпретацию сообщения. Место технических шумов занимают шумы

смысловые (семиотические). Минимизировать их последствия и сделать коммуникацию более эффективной можно лишь с учетом механизма обратной связи.

С введением в коммуникативные схемы обратной связи, история герменевтических парадигм от авторитета Автора, отвечающего за смысл текста, воли Читателя, изменяющего его смысл по собственному усмотрению, повернулась к Авторитету самого текста. Текст – посредник смысловых обменов – выступил центральной фигурой взаимоотношений Текст – Автор – Текст – Читатель – Текст.

Так как передаваться в социальном пространстве и времени смыслы могут посредством материальных носителей – текстов, работа с текстом есть важнейшая составляющая анализа коммуникационного взаимодействия. Из текста можно извлекать информацию, содержание, авторский замысел, эмоциональную напряженность, колорит языка, лингвистические и иные ошибки, но сущностная характеристика текста – это смыслы. Тексты – накопители смыслов. Чтобы быть понятыми тексты необходимо должны подчиняться смысловым нормам. Герменевтика возникла как охранный механизм сохранения и передачи смыслов, поскольку последние подчас субъективны (субъектны) и могут искажаться в процессе хранения, трансляции, воспроизведения. Но только в диалоге с другим (иногда более высокостатусным – посвященным в тайны интерпретации), при встрече с другими смыслами может устанавливаться тождество истины. Текст объединяет времена пишущего и читающего, и потому фиксирует в себе смыслы, организующие и сохраняющие культурную память.

Зададимся таким вопросом: возникает ли смысл как «ага» реакция на уже совершенное действие (вот, оказывается, что это было!) или он стоит вначале акта понимания? У человека не понимающего, но претендующего на то, что ему посильно понимание, всегда есть запас смыслов (как запас мер в физическом мире), с помощью которых он может что-либо понимать. Однако этого запаса не всегда может хватать. Мир смыслов континуален, а потому – бесконечен. Поэтому осознание смысловых нюансов, входов в новые смысловые повороты, происходит в результате понимающе-интерпретационной деятельности.

Но что есть интерпретация по отношению к механизмам понимания, чем они различаются операционно, с точки зрения процедур смыслового анализа текста?

Смыслогенез (процесс порождения и размножения смыслов) текста можно рассматривать с точки зрения процедурных действий как понимание текста и его интерпретации. Когда-то Ж. Пиаже предложил разбить процесс адаптации (способность живого организма приспосабливаться к изменениям окружающей среды) на две взаимосвязанных, но разнонаправленных процедуры: ассимиляцию и аккомодацию. По словам Пиаже [Пиаже 1954: 352–354], ассимиляция по своей природе – процесс

консервативный в том смысле, что его основной функцией является превращение незнакомого в знакомое, сведение нового к старому. Новая ассимилирующая система всегда должна быть только вариантом ранее приобретенной, а это обеспечивает и постепенность, и непрерывность интеллектуального развития. Сущность же аккомодации составляет процесс приспособления к разнообразным требованиям, выдвигаемым перед индивидом объективным миром. В некоторых познавательных актах относительно преобладает компонент ассимиляции; в других обнаруживается большая склонность к аккомодации. Но никогда в познавательной жизни не встречается «чистая» ассимиляция или «чистая» аккомодация; интеллектуальные акты всегда предполагают в определенной степени наличие и той и другой. Познавательное освоение действительности всегда означает одновременно и ассимиляцию, производимую структурой, и аккомодацию этой структуры.

Текст – достаточно жесткая структура по всем своим языковым составляющим, от буквы до стиля. Здесь я присоединяюсь к позиции И. Р. Гальперина, который текст называет своеобразным «островком организованности», как упорядоченную форму коммуникации, лишенную спонтанности. И.Р. Гальперин понимает под текстом не фиксированную на бумаге устную речь, всегда спонтанную, неорганизованную, непоследовательную, а особую разновидность речетворчества, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи. Текст – не спонтанная речь, он не линеен, он не только движение, процесс – он также стабилен. «Это произведение речетворческого процесса, обладающего завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, логической, грамматической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. Текст выступает в качестве заместителя автора как участника общения.

Рассмотренный в качестве семиотического образования текст есть живое воплощенное сознание, иначе, саморегулирующаяся система. Описание текста как сознания и сознания как текста, ставит их в семиотические отношения, передавая функции знака и значения то одному, то другому образованию. Поэтому к тексту можно относиться как к целостной смысловой коммуникативной единицы, которую можно понимать, иначе, восстанавливать смыслы содержащиеся в нем как знаковом образовании. Но текст может быть и интерпретирован как составляющая коммуникативного контекста, куда он включается в качестве одного из элементов коммуникативной ситуации.

Если о понимании текста написаны монографии, в том числе одна и автором данной статьи [Никитина 2016], то механизмам интерпретации уделялось меньше внимания по причинам игрового или эпифеноменального характера интерпретационного смыслопорождения. Новые интерпретации

появлялись в качестве сопутствующих спутников иных «картин мира»: теорий, парадигм, предрассудков, переводов на другие языки или заимствования текстов иными культурами. По схеме Пиаже, текст может быть ассимилирован (включен в иной контекст) и к тексту можно аккомодироваться (войти в предлагаемый им самим контекст). Ассимиляция – это конструирование, а конструкция – организация. Это «подтягивание» события к шаблону структуры, имеющейся у индивида в данный момент. Как результат – новый смысл. Интерпретация – это использование уже готового смысла для новой ситуации. Если нужно выразить новый смысл, то необходимо создавать и новый текст. Только в этом случае и будет происходить сдвигка смысла в новом коммуникативном поле. Текст всегда будет посредником в смысловом сдвиге.

Субъектное отношение к тексту предполагает, безусловно, в качестве первоначального этапа в коммуникации аккомодацию – переход на позиции текста. Но как это возможно? Только в том случае, если синтез – понимание текста – является результатом его анализа. Причем такого анализа, в котором смысл текста разлагается не на элементы, а на единицы, на смысловые варианты текста. Из значений нельзя собрать смысл текста – из отдельных элементов целостность не собрать. Единица же – это такая целостность, которая содержит все характерные свойства смысловой структуры текста.

Смысл есть функция содержания в коммуникативной ситуации, иначе, оречевленная функция, пропущенная через ВОПРОС непонимания.

А поскольку содержание текста есть всегда мир отраженный с учетом адресата и подобных же (исходных, канонических) текстов, то и смыслы могут быть бытийными (экзистенциальными), аналитическими (сходными с другими), прагматическими (воздействующими). Сравни разделы в семиотике: семантика, синтактика, прагматика. Смысл это функция (зачем?) содержания в коммуникации. Для чего это говорится? Функция же на элементы не разлагается. Поэтому если мы станем применять лингвистические единицы, то обязательно выйдем только на содержание, на предметность. Смысл выводит нас на отношения – в самом широком значении этого слова, а не только в его психологическом варианте («как ты ко мне относишься?»). Функция организует содержание, кроя его под свой «смысл» как фасон платья в соответствии с его предназначением. Смыслы не «прилипают» к содержанию, они задают его структуру. «Содержание может существовать и в изолированной (лингвистом-исследователем) пропозиции, смысл – только в диалоге продуцента и реципиента, только в ситуации, только в мире соотношений средств выражения и опредмечиваемого идеального (Bozicevic V. 1986). Если для содержания существенна граница предложения как граница пропозиции, то смысл этих границ не знает» [Богин 2001]. И потому должны быть выстроены технологии его извлечения из текста.

Приступая к пониманию мы по умолчанию принимаем, что текст в качестве обязательного коммуникативного компонента (квазисубъекта) содержит собственный смысл. Текст всегда содержит много такого, что в него

не заложил автор. Во-первых, за счет того, что он использует средства языка – основного аккумулятора человеческого опыта. Во-вторых, понимающий, привнося в диалог свою ситуацию, видит в тексте подчас больше или иное, нежели автор. В-третьих, текст для читателя принципиально не может быть исчерпан в смысловом отношении, что-то в нем неизбежно останется непонятым, следовательно, неосмысленным. Текст окутан интонационно-ценностным контекстом, который меняется по эпохам, мировоззрениям, концепциям.

Охранным механизмом границ текста как раз и является разведение процессов понимания и интерпретации. Если герменевтика это делала по основанию цель/средство, то в психосемиотическом подходе это делается по принципу внешнее/внутреннее, внутреннее пространство текста или пространство коммуникативной ситуации, где текст существует в качестве смысла-ярлыка. Интерпретации совершаются на основе понимания. Чтобы интерпретировать, нужно сначала понять о чем идет речь, то есть, включиться в диалог с текстом, войти в герменевтический круг. Сначала понимание: выделение смысла того, что есть в тексте, а затем – толкование его в свете возникшей внешней коммуникативной задачи. Понимание есть процедура аккомодации, интерпретация – ассимиляции. По-другому, текст может быть ассимилирован (включен в иной контекст) и к тексту можно аккомодироваться (войти в предлагаемый им самим контекст).

Когда-то риторика расположила смысловые координаты текста по трем векторам его воздействия на слушателя: этоса, логоса, пафоса. В пространстве этих координат собираются фокусировки смыслов текста. Они же формируют контекстовые конфигурации коммуникативной ситуации. Этос, пафос и логос находятся в связи друг с другом и как бы переходят одна в другую. Сообщение на всем своем протяжении постоянно контролируется по этим трем аспектам. «Этос создает условия для речи, пафос – источник создания смысла речи, а логос – словесное воплощение пафоса на условиях этоса» [Рождественский 1997: 42]. Риторика фактически заложила в структуру сообщения такие критерии как критерий истинности (категория «логос»), критерий искренности (категория «этос») и критерий релевантности речевого поведения (категория «пафос»). Потому-то любой текст включает в себя смысл бытийный, типологический и коммуникативный.

Воссоздание коммуникативного контекста, уже - коммуникативной ситуации, есть условие для интерпретативной деятельности. Для текста компоненты коммуникативного процесса образуют контекст его содержания. Изменяя их, мы будем получать многообразие контекстов, влияющих на смысловую интерпретацию текста.

Проиллюстрируем это двумя примерами.

Первый пример.

Меняя интонационно-ритмический контекст содержания, мы меняем смыслы текста. Вот как бы звучал известный стих про Таню в устах разных поэтов:

А. Блок

Безутешно рыдает Татьяна,
И слеза, словно кровь, горяча;
Ей припала сердечная рана
От упавшего в речку мяча.
То прерывно вздыхает, то стонет,
Вспоминая былую игру.
Не печалься. Твой мяч не потонет –
Мы достанем его ввечеру.

В. Маяковский

В этом мире
Ничто
Не вечно,
Вот и теперь
Матерись или плачь:
Прямо с берега
Сверзился в речку
Девочки Тани
Мяч.
Слезы хлещут
Из глаз у Тани.
Не реви!
Не будь
Плаксивою девой!
Пойдем за водой –
И мячик достанем.
Левой!
Левой!
Левой!

И. Крылов

Девушка некая по имени Татьяна,
Умом изрядная и телом без изъяна,
В деревне дни влача,
Не мыслила себе досуга без мяча.
То ножкою поддаст, то ручкою толкнет,
И, заигравшись с ним, не слышит и вполуха.
Господь не уберег, случилась проруха –
Игривый мяч упал в пучину вод.
Рыдает, слезы льет несчастная Татьяна;
А водовоз Кузьма – тот, что всегда вполпьяна, –

Картуз совлек
И тако рек:
«Да полно, барышня! Сия беда – не горе.
Вот Сивку запрягу, и за водою вскоре
Помчуся вскачь.
Багор-то мой остер, ведро мое просторно –
Из речки я умело и проворно
Добуду мяч».
Мораль: не так просты простые водовозы.
Кто знает толк в воде, тот утешает слезы.

С. Есенин

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру,
И ногой пинает мячик – любит странную игру.
Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«разреши, душа-Татьяна, тоже пнуть его ногой?»
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.
«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
я его ногою пнула, а теперь не нахожу».
«Не грусти, моя Танюша, видно, мяч пошёл ко дну,
если ты меня полюбишь, я тотчас за ним нырну».

А. Пушкин

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью:
река глубока и туманна,
игрушку чудную свою
с моста случайно уронила...
О, как ты этот мяч любила!
Ты горько плачешь и зовёшь...
Не плачь! Ты мячик свой найдёшь,
он в бурной речке не утонет,
ведь мяч – не камень, не бревно,
не погрузится он на дно,
его поток бурлящий гонит,
течёт по лугу, через лес
к плотине близлежащей ГЭС.

Гораций

Громко рыдает Татьяна, горе её безутешно;
Вниз с розопламенных щек слёзы струятся рекой;
Девичьим играм в саду беззаботно она предавалась –
Мяч озорной удержать в тонких перстах не смогла;

Выпрыгнул резвый скакун, по склону вниз устремился,
С края утеса скользя, упал в бурнопенный поток.
Милая дева, не плачь, утрата твоя исцелима;
Есть повеленье рабам – свежей воды привезти;
Стойки, отважны они, ко всякой работе привычны -
Смело пустятся вплавь, и мячик вернется к тебе.

Японский вариант

Потеряла лицо Таня-тян
Плачет о мяче, укатившемся в пруд.
Возьми себя в руки, дочь самурая.

[«Наша Таня громко плачет» в интерпретации разных поэтов: URL]

Второй пример.

ПРИТЧА

Однажды осел упал в колодец и стал громко вопить, призывая на помощь. На его крики прибежал хозяин ослика и развел руками – ведь вытащить ослика из колодца было невозможно. Тогда хозяин рассудил так: «Осел мой уже стар, и ему недолго осталось, а я все равно хотел купить нового молодого осла. Этот колодец уже почти высох, и я уже давно хотел его засыпать и вырыть новый. Так почему бы сразу не убить двух зайцев – засыплю-ка я старый колодец, да и ослика заодно закопаю». Недолго думая, он пригласил своих соседей – все дружно взялись за лопаты и стали бросать землю в колодец. Осел сразу же понял, что к чему и начал громко вопить, но люди не обращали внимание на его вопли и молча продолжали бросать землю в колодец. Однако, очень скоро ослик замолчал. Когда хозяин заглянул в колодец, он увидел следующую картину – каждый кусок земли, который падал на спину ослика, он стряхивал и приминал ногами. Через некоторое время, к всеобщему удивлению, ослик оказался наверху и выпрыгнул из колодца! Возможно, в вашей жизни было много всяких неприятностей, и в будущем жизнь будет посылать вам все новые и новые. И всякий раз, когда на вас упадет очередной ком, помните, что вы можете стряхнуть его и именно благодаря этому кому, подняться немного выше. Таким образом, вы постепенно сможете выбраться из самого глубокого колодца.

В нарративно-деятельностном подходе было показано, что любой рассказ есть история, изложенная с определенной точки зрения, от лица рассказчика, и как часть, как «точка зрения» события выступает его смыслом. Смысл позиции – в ее функциональной значимости для всей ситуации в целом. Бытийный смысл текста может быть обозначен как нулевой (начальный) смысл, поскольку он полагает смысловое содержание текста, но не сопоставляет его с иными возможными способами описания представляемой в языке действительности. Всегда есть ТРЕТИЙ, не совпадающий с адресатом.

Структурно нарратив, даже самый примитивный, разворачивается в тройственном пространстве: пространстве действия, в котором протекают события, в пространстве сознания, во внутренней речи персонажей, вовлеченных в действие и в пространстве самого текста. Тройственность пространства нарратива есть его неотъемлемая составляющая, которая в определенной мере объясняет повсеместное присутствие обмана в рассказах на протяжении всей истории. Однако, действующие персонажи не просто обманывают, они мечтают, надеются, сомневаются и не могут решить, где видимость, а где действительность. Соответственно и в любых описаниях есть заданная неопределенность. Описания реляционны, относительно, не репрезентациональны, они не напрямую воспроизводят события мира, каковы бы эти события ни были. При поисках смысла, всеведующий рассказчик, как и «наблюдатель очевидного», не учитывающий относительность своей позиции, исчезают, а вместе с ними растворяется и «чистая» реальность. Ведь разум никогда не свободен от предубеждений. Не бывает наивного взгляда или взгляда, достигающего первородной реальности. Есть только гипотезы, версии, ожидаемые сценарии.

Чтобы развести содержание и отношение этого содержания к предыдущим знаниям необходимо встать на позицию относительности точки зрения в акте нарратива. Любая история станет объективнее и понятнее, если рассмотреть иные возможные способы ее изложения. Диалогизм нарратива – одна из его сущностных характеристик. Рассказ воссоздает присутствие рассказчика в иной жизни. И потому здесь возникает диалогический разворот со-бытия, включая понимающего в иные контексты. Последующая же децентрация собственной позиции ведет к объективации опыта. Все объективное – многомерно, или, по выражению Уайта, полиисторично. Но как пробиться к этому многомерию, чтобы встать в оппозицию к своему опыту? Коммуникативных техник здесь было предложено не мало: от катарсиса до психодрамы. Нарратив, развивающий свои функции, предлагает особую форму организации опыта понимания. Если принять, что нарратив конструирует реальность, то технология нарратива может быть обозначена как диалогизация ситуации: включения других, рассмотрения позиций этих других, их переживаний и соотнесение всех этих позиций друг с другом. В качестве структуры, репрезентирующей реальность, нарративная схема является драматургической моделью определенной сферы жизни.

Нарративная схема повествования состоит как минимум из пяти элементов: Действующего лица (Agent), Действия (Action), Цели (Goal), Обстановки (Setting), Средства (Instrument) – и Трудности (Trouble). Трудность – это то, что движет драмой; она возникает при несоответствии между двумя или более элементами из пентады.

Кроме этого нарративная схема может прямо моделировать репертуары главных интенций героев и сопутствующие им планы реализации.

Нарративная схема, как правило, только в общих чертах задает содержание пяти названных выше компонентов, но она же определяет весь спектр возможных рассказов, посредством которых индивид в состоянии интерпретировать понятным ему способом данную сферу жизни. Схема действует так, что индивид ожидает появления определенных содержаний, и предлагает правила интерпретации, осуществляющие специфическую категоризацию и интеграцию этих содержаний, в результате чего на основе этой схемы формируется их умственный образ. Схема позволяет «дополнить» (обычно неосознанно) содержание, деформируя данные истории (так называемый *default values*) в психологии познания. Можно, следовательно, сказать, что нарративная схема является механизмом нарративного конструирования реальности индивидом [Trzebinski 2002].

Основная функция нарративной схемы, следовательно, состоит в том, что она управляет процессами понимания и принятия решения путем конструирования истории из поступающих (и провоцируемых решениями индивида) фактов. Нарративная схема является познавательной процедурой «чтения» потока событий таким образом, что понятными они становятся в контексте завершенной истории. В историях действуют определенные герои с определенными интенциями, сталкивающиеся с определенными видами трудностей и имеющие определенные возможности и шансы справиться с ними.

Наивность повседневного мыслителя состоит в том, что интерпретированный особым образом нарративный мир является для него миром «объективным». В определенном, характерном для нас понимании реальности мы не замечаем собственного участия, не видим присутствия наших знаний, эмоций, ценностей и культуры, в которой мы воспитаны. Мы не можем познать никакого иного «мира», кроме того, который узнаем в процессе наших интерпретаций.

Включаясь в процесс конструирования сюжета, читатель приходит к играм со смыслом через интерпретативные технологии.

Приведет только некоторые из заголовков притчи, из которых должно быть понятно, какие трансформации были произведены в схеме нарратива.

«Так было угодно Богу» (ввели еще одно действующее лицо).

«Не благодарный хозяин» (осел как герой и рассказчик истории про свое спасение).

«Не было бы счастья – несчастье помогло» (как инструмент уничтожения превращается в инструмент спасения через опыт его применения).

Читателям предлагается самим поэкспериментировать с изменением контекстных составляющих для сдвигки смысла текстового содержания.

Смысловые трансформации текста через изменение контекстных составляющих позволяют читателю выйти в рефлексивную позицию

относительно своемерия собственного понимания. И, тем самым, вступить в диалог с иными точками зрения, раздвигая границы своего сознания.

ЛИТЕРАТУРА

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001. 731 с.

Воронцов Ю.В. К вопросу о структуре коммуникационного потока// Предмет семиотики. М., МГУ, 1975. С. 22–36.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Монография. – М.: Наука, 1981. 140 с.

Никитина Е.С. Смысловый анализ текста: Психосемиотический подход. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

Рождественский Ю.В. Теория Риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.

Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: СПбГУП, 1996. 320 с.

Piaget J. The development of object concept: The construction of reality in the child (p. 3-96). New York: Basic Books.1954.

Trzebinski J. Narracyjne konstruowanie rzeczywistosci // Narracja jako sposob rozumienia swiata / Pod red. J. Trzebinski. – Gdansk: Gdanskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2002. P. 17–43.

«Наша Таня громко плачет» в интерпретации разных поэтов/
<http://kirakin.livejournal.com/113740.html> (дата обращения: 24.12.2017).

INTERPRETATIONS – TEXT – CONTEXT

Nikitina E.S.

Linguistic Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow

The sense is the result of the processes of understanding and interpretation of the text. Understanding is carried out by entering into the sign space of the text itself. Interpretations are related to the external context. The text here is only one of the constituent components of the communicative situation. Changes in the structure of the communicative act by the algorithm of any of its elements with necessity lead to interpretative shifts in the sense content of the text. This is one of the mechanisms of sense genesis.
Keywords: communicative space, content and sense of the text, comprehension, interpretation

Об авторе: НИКИТИНА Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: m1253076@yandex.ru